

А

Сергей Тхоржевский

Испытание воли

Повесть о Петре Лаврове

М., Политиздат, 1985
Серия "Пламенные революционеры"
OCR Ловецкая Т. Ю.

Глава первая

Можно было ожидать, что однажды на петербургскую квартиру полковника Лаврова нагрянут жандармы, проведут обыск, а его самого арестуют и увезут.

Удивляться, наверное, следовало другому: как это Петр Лаврович Лавров, профессор математики в Артиллерийской академии, дожив до сорока двух лет и достаточно ясно определив свое отношение к этой жизни, достаточно ясно выражая в разговорах отнюдь не монархический образ мыслей, до сих пор относительно благополучно существовал...

Очередь его пришла в конце апреля 1866 года. Всего три недели минуло после того, как весь Петербург был взбудоражен известием о покушении на жизнь царя. Неизвестный выстрелил в Александра Второго у входа в Летний сад -- и промахнулся. Нет, к этому покушению Лавров был совершенно непричастен, но теперь, как видно, царское правительство решило очистить столицу от неблагонадежных личностей -- от тех, кто вносил в умы смуту.

Жил он на тихой Фурштатской улице. Чтобы попасть в Артиллерийскую академию, на Выборгскую сторону, ему надо было свернуть с Фурштатской на Литейный проспект и по Литейному подойти к Неве. Весной, пока не прошел последний лед, отсюда, от набережной, перевозили на ялике на другую сторону. На лето здесь наводился деревянный плашкоутный мост. На том берегу стояло желтое здание академии. Оно смотрело окнами на солнечную сторону, на Неву.

И вот в один из апрельских дней, когда он выбрался из ялика на берег возле академии, к нему подошел незнакомый молодой человек и сказал, что собственными глазами видел -- не стал объяснять, у кого и где -- предписание об аресте полковника Лаврова.

У него перехватило дыхание, что-то дрогнуло внутри... Но постарался не подать виду. Чему быть -- того не миновать. Главное -- не растеряться и вести себя с достоинством.

Он уже подготовился к возможному аресту. На днях, дома, достал из ящика стола пачку писем -- тех, которыми дорожил, да еще свой давний юношеский дневник и отвез на Миллионную улицу к одной близкой знакомой, дочери известного архитектора Елене Андреевне Штакеншнейдер. Как верный и надежный друг, она уже сама предлагала ему взять на хранение, на всякий случай, его бумаги -- те, что надо скрыть от посторонних глаз. Он так и сделал. Он был уверен, что в роскошный особняк Штакеншнейдеров с обыском никогда не придут.

В ночь на 24 апреля на Фурштатской улице нарушили тишину цокот копыт и легкое постукивание колес по мостовой. Напротив лютеранской церкви святой Анны, у дома, где жил Лавров, остановилась коляска. Из нее вышли два жандармских офицера и сам Лавров. Его только что забрали прямо из гостей и привезли домой, чтобы провести предписанный обыск в его присутствии.

Вот и кончилась для него благополучная жизнь. Но ведь рано или поздно это должно было случиться. Он это понимал и не был подавлен, напротив -- как-то весело возбужден.

В квартире зажгли керосиновую лампу. Жандармы увидели, как много в его кабинете книг и бумаг (книги -- до потолка, бумаги -- повсюду), решили кабинет опечатать и обыск отложить.

Только утром 25 апреля с дверей кабинета сняли печати. Жандармы долго рылись в бумагах, перелистывали книги; сложили все подозрительное в несколько пакетов; сняли со стены и увезли с собой фотографический портрет Герцена.

Лавров остался дома и ожесточенно принялся приводить книги и бумаги в порядок, возвращать кабинету привычный вид. Вечером жандармы приехали снова, жандармский офицер потребовал у полковника Лаврова шпагу. Это уже означало арест. Он этого ждал...

Его отвезли на главную петербургскую гауптвахту -- Ордонансгауз, желтое казарменное здание на

А